

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Валерий Попов

Зощенко

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
М69

Михайлов, О.

М69 Зощенко / В. Попов. – М. : Т8RUGRAM / Агентство
ФТМ, 2018. – 642 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74684-2

Биографическая книга из серии «Исторические хроники» известного петербургского прозаика Валерия Попова повествует о сложной судьбе и творчестве Михаила Зощенко (1894-1958). В отличие от прежних биографий знаменитого сатирика, сосредоточенных, как правило, на его драмах, В. Попов показывает нам человека смелого, успешного, светского, увлекавшегося многими радостями жизни и достойно переносившего свои драмы. «От хорошей жизни писателями не становятся», – утверждал Зощенко, и это поистине философское высказывание можно вынести в эпиграф и основную идею книги. Дар сатирика – сам по себе опасный дар, о чём рассказывает Валерий Попов в жизнеописании своего героя и в славе, и в расплате на неё.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC014000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2018
© Текст. О. Михайлов,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74684-2

ВСТРЕЧА С ЗОЩЕНКО

Впервые я услышал про Михаила Зощенко в школе. И сразу — интересное! Наша учительница литературы Зоя Александровна разносила в пух и прах сочинение нашего классного хулигана Трошкина: «Глупость, безграмотность! Ну просто Зощенко какой-то!» Класс радостно загудел: «Почитайте, почитайте!» Трошкин порой такое загибал! И Зощенко тоже меня заинтересовал: в общей скуке что-то необычное! И надежды оправдались.

Перед первым курсом нас, поступивших в институт, послали копать картошку в дальний колхоз. И лучшего нельзя было придумать. Там уж мы отпраздновали наш успех! Песни наши, явившиеся вдруг непонятно откуда, полны были вольности и дерзости. Мы наконец избавились от «торжественных школьных линеек», от невыносимых уже «образов наших современников»... И вообще — шел 1957 год, начиналась свобода.

Ах, поцелуй же ты меня, перепетуля!

Я тебя так безумно люблю!

Для тебя чем угодно рискую —

Спекульну, спекульну, спекульну!

С этой песней мы в кузове грузовика выезжали в поле. Бывшие школьные отличники (таких на нашем курсе было большинство) вырвались на волю!

Хотелось петь запрещенные песни, по-новому говорить. Мы искали язык. И нашли его. По вечерам

мы нашей компанией шли в соседнюю деревню, за четыре километра. И не на танцы! Танцы как раз были на нашей центральной усадьбе, а там — копали картошку второкурсники, и среди них был брат одного из нас. Мы входили в просторную избу, освещенную керосиновой лампой, — и ложились на матрас или на пол. Видимо, чтобы не упасть от хохота. Хозяева-второкурсники по очереди, вырывая книжонку друг у друга из рук, читали вслух Зоценко:

«Землетрясение

Землетрясение в Крыму было, как всем известно, два года тому назад. Однако убытки только сейчас окончательно выясняются.

Конечно, официальные убытки тогда же подсчитали — два миллиона рублей. Но к этой скромной цифре надо добавить, как теперь выясняется, еще небольшую сумму рублей этак в сто.

Как раз на эту цифру пострадал один милый человек такой, некто Снопков. Сапожник.

Он — кустарь. Он держал в Ялте мастерскую. Не мастерскую, а такую каменную будку имел, такую небольшую каменную халупку. И он работал со своим приятелем на пару. Они оба-два приезжие были. И производили починку обуви как местному населению, так и курсовым гражданам.

И они жили определенно не худо. Зимой, безусловно, голодовали, но летом работы чересчур хватало. Другой раз даже выпить было некогда. Ну, выпить-то, наверное, времени хватало. Чего-чего другого...»

От хохота дребезжали стекла. И «словарь Зоценко»

стал нашим словарем. Он помогал нам жить, дал «спасительные формулировки». Так, оказавшись в сложной ситуации, после задумчивой паузы ставили на стол бутылку, приговаривая: «Чего-чего другого, а уж это...!» И никто не спорил.

«...в пятницу одиннадцатого сентября сапожник Иван Яковлевич Снопков, не дождавшись субботы, выкушал полторы бутылки русской горькой.

Тем более он кончил работу. И тем более было у него две бутылки запасено. Так что, чего же особенно ждать? Он взял и выкушал. Тем более, он еще не знал, что будет землетрясение».

И теперь у нас было оправдание для друга, совершившего ошибку, перешедшую в неприятность: «...тем более, он еще не знал, что будет землетрясение... Так что, чего же особенного было ждать?» И такая трактовка успокаивала, вселяла бодрость.

«...И вот выпил человек полторы бутылки горькой, немножко, конечно, поколбасился на улице, спел чего-то там такое и назад к дому вернулся.

Он вернулся к дому назад, лег во дворе и заснул, не дождавшись землетрясения. А он, выпивши, обязательно во дворе ложился. Он под крышей не любил в пьяном виде спать. Ему нехорошо было под потолком. Душно. Его мучило. И он завсегда чистое небо себе требовал.

Так и тут. Одиннадцатого сентября в аккурат перед самым землетрясением Иван Яковлевич Снопков набрался горькой, сильно захмелел и заснул под самым кипарисом во дворе. Вот он спит, видит разные

интересные сны, а тут параллельно с этим происходило знаменитое крымское землетрясение».

Если кто-то приходил не вовремя, можно было сказать: «Ну, сходи на улицу, поколбасись немножко» — и он, не обижаясь, шел «колбаситься».

Клан любителей Зоценко, образовавшийся в институте, жил и потом. Встретить своего — значило получить шанс. Помню, мы пришли к главному конструктору одного серьезного «почтового ящика» (так назывались секретные институты), представили ему результаты испытаний их аппаратуры, проведенных нами в полевых условиях, — аппаратура показала результаты несколько неожиданные... И он был поражен. И, присвистнув, сказал: «...Та-а-ак!.. а параллельно с этим происходит знаменитое крымское землетрясение!» — и мы сразу сроднились и всё решили. Это конкретное «крымское землетрясение» мы пережили... как и Снопков.

«...Продрал свои очи наш Снопков и думает: “Мать честная, куда ж это меня занесло? Неужели, думает, я в пьяном виде вчерась еще куда-нибудь зашел? Ишь ты, кругом какое разрозненное хозяйство! Только не понять — чье. Нет, думает, нехорошо так в дым напиваться. Алкоголь, думает, действительно чересчур вредный напиток, ни черта в памяти не остается”».

Зоценко никогда не берет привычные слова, уже стертые и потерявшие вкус — он обязательно «вывернет наизнанку» и слово, и явление — и мы видим вдруг нечто новое, и гораздо более точное. Привычнее было сказать «разоренное хозяйство»... и никакой реакции:

«Что значит — “разоренное”? Кем?» А у Зощенко — «разрозненное хозяйство» — и точность созданного им слова вызывает восторг: «Вот именно — “разрозненное”! После землетрясения всё “врозь”».

«...И так ему на душе неловко стало, неинтересно. “Эва, думает, забрел куда. Еще спасибо, думает, во дворе прилег, а ну-те на улице: мотор может меня раздавить или собака может чего-нибудь такое отгрызть. Надо, думает, полегче пить или вовсе бросить”».

Именно этой фразой мы воспитывали себя: «Надо полегче пить или вовсе бросить» — и, по указанию классика, делали кто этак, а кто так.

«Стало ему нехорошо от этих всех мыслей, загорюнился он, вынул из кармана остатние полбутылки и тут же от полного огорчения выкушал. Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел».

Эта универсальная фраза годилась для многих случаев. Когда наш начальник секретного отдела в сотый раз рассказывал нам о том, как мы должны быть бдительны и как был наказан за утерю печати один сотрудник в сороковом году, причем рассказчик постепенно приходил в экстаз — у нас была наготове фраза из Зощенко: «Выкушал Снопков свою жидкость и обратно захмелел».

Нам главное — захмелеть. Неважно от чего.

«...Тем более он не жрал давно и, тем более, голова была ослабши с похмелюги.

Вот захмелел наш Снопков, встал на свои ножки и пошел себе на улицу.

Идет он по улице и с пьяных глаз нипочем улицу

не узнает. Тем более после землетрясения народ стаями ходит. И все на улице, никого дома. И все не в своем виде, полуодетые.

Вот Снопков ходит себе по улице, и душа у него холодеет.

“Господи, думает, семь-восемь, куда же это я, в какую дыру зашел? Или, думает, я в Батум на пароходе приехал? Или, может, меня в Турцию занесло. Эвон народ: раздевшись, как в тропиках”.

Идет, пьяный, и прямо чуть не рыдает.

Вышел на шоссе и пошел себе, ничего не признавая.

Шел, шел и от переутомления и от сильного алкоголя свалился у шоссе и заснул как убитый.

Только просыпается — темно, вечер. Над головой звезды сверкают. И прохладно. А почему прохладно — он лежит при дороге раздетый и разутый. Только в одних подштанниках.

Лежит он при дороге совершенно обобранный и думает:

“Господи, думает, семь-восемь, где же это я обратно лежу?”

Тут действительно испугался Снопков, вскочил на свои босые ножки и пошел по дороге. Только прошел он сгоряча верст, может, десять и присел на камушек.
<...>

Только под утро Иван Яковлевич Снопков узнал, как и чего. Он у прохожего спросил.

Прохожий ему говорит:

— А ты чего в кальсонах тут шляешься? Снопков говорит: